

Наталья Абрамцева



**С КЕМ  
РАЗГОВАРИВАЮТ  
СОБАКИ?**

Рассказы

Наталья Абрамцева

**С кем разговаривают  
собаки? Рассказы**

«Издательские решения»

**Абрамцева Н.**

С кем разговаривают собаки? Рассказы / Н. Абрамцева —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937884-2

Сказки написаны простым, но в то же время очень ярким языком, в котором много настоящих литературных находок. После прочтения книги остаётся ощущение встречи с чем-то светлым, тёплым и уютным, возможно — с самой Добротой.

ISBN 978-5-44-937884-2

© Абрамцева Н.  
© Издательские решения

## Содержание

ТИШЕ, ПОЖАЛУЙСТА...	6
ГЛАВНОЕ – ВОВРЕМЯ	7
С КЕМ РАЗГОВАРИВАЮТ СОБАКИ	9
ЖДЕТЕ?..	15
ЛИТЕРАТОР	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

# **С кем разговаривают собаки? Рассказы**

**Наталья Абрамцева**

© Наталья Абрамцева, 2018

ISBN 978-5-4493-7884-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## ТИШЕ, ПОЖАЛУЙСТА...

Где-то в лесу жила-была речка. Чистая-чистая, прозрачная-прозрачная. Весь свой лес поила прохладной водой. Каждому позволяла смотреться в себя, как в зеркало. Ни с кем не ссорилась, со всеми болтала. Веселая, добрая речка.

Так было долго. Но однажды утром проснулась она в плохом настроении. То ли сон грустный увидела, то ли еще что случилось. Вздохнула речка печально, потянулась и зацепилась волной за корягу, поцарапалась. Совсем расстроилась речка, чуть помутнела ее вода. Заметило это солнце. Решило развеселить речку. Пощекотало ее своим длинным лучиком, да как-то неудачно: сломался луч, уколол и без того поцарапанную волну. Вскрикнула речка испуганно. «Что за глупые шутки?» – подумала она обиженно. А тут еще неприятность: кто-то больно толкнул речку копытцем. Оказывается, совсем маленький лосенок, покачиваясь на своих тоненьких ножках, пришел попить. Запутался в речной траве и упал в воду, еле выбрался. Эта мелочь окончательно вывела речку из себя.

Да, расстроенная, испуганная, обиженная речка рассердилась, разозлилась, фыркнула и... вышла из себя. Из берегов своих... Сначала осторожно, на прибрежную траву. Дальше – до первых кустов. Потом закружилась вокруг стволов деревьев. Во все стороны, дальше, дальше, дальше растекается речка... И понимает, что не то делает, а вернуться не может. И коряга не хотела царапаться, и солнечный луч нечаянно уколол, и лосенок, конечно же, не нарочно упал в воду. Все понимает речка, а теперь – бесформенная мелкая огромная лужа. Все понимает, а вернуться не может... Сорвалась... Вышла из себя. И вперед бежать не может, сил больше нет... Качается почти стоячая вода меж кустов и деревьев. Гниют ветки, листья, трава в стоячей воде. Никто не пьет из бывшей речки, никто в нее не смотрится. Мутной, грязной, вязкой трясинной стала чистая, светлая речная вода.

Болото... Неверные кочки... Ползучие стебли... Страшные черные оконца... Болото...

А была речка. Была... Добрая, веселая лесная речка. Только вот из себя вышла... Выйти каждый может. Всегда может. Выйти легко... Очень-Слишком даже...

...Не надо кричать... И дверью хлопать не стоит... Спокойно... Зачем бить посуду?!  
Тише, пожалуйста... Тише...

## ГЛАВНОЕ – ВОВРЕМЯ

Я написала строчку и зачеркнула. И еще одну – и снова зачеркнула. Я не могу писать. Уже несколько дней в голове странная неразбериха:

мои сказочные персонажи запутались в моих жизненных проблемах, я тоже завязла в них, жизненных, и потому, видимо, ничего не получалось. Тихонько, прижав уши, сидят сказочные зайчата, как неприкаянный бродит рыжий лисенок, волшебницы от нечего делать занялись вышиванием: не могу придумать для них сказку.

Что-то случилось. Но сказку написать нужно. Нужно выйти из простоя! Нужно! Нужно сбросить ненужную, бесполезную тревогу, изнурительное, мучительное напряжение! Нужно!

Так твердила я себе, убеждала. И тогда случилось вот что.

Зашевелилась висящая на стене картина. Зашевелилась, снялась с гвоздиков и осторожно сползла на пол. Выдвинулась часть стены и отползла. В стене образовался проем. А дальше произошло совсем странная вещь: в стенном проеме показалась голова Лошади. Лошадь заглянула, вежливо поклонилась и сказала: «Добрый день» Вошла, не дожидаясь пока я приду в себя. Постукивая копытами, подошла к креслу напротив меня и села. Интеллигентно, не разваливаясь. Смотрит на меня, потом на зачеркнутые строчки, качает головой. Вздохнула сочувственно.

– Не получается?

Разглядываю Лошадь, высматривая хоть какие-нибудь признаки крыльев.

– Нет, нет, что вы, – отвечает Лошадь моим мыслям. Я совсем не Пегас. Помолчали.

– Так, значит, не получается? – спросила лошадь снова.

– Нет, – отвечаю, уже почему-то привыкнув к странной гостье. Она посмотрела на меня внимательно.

– И вообще ничего не получается?

– Да, – отвечаю.

– И все не так, все не хорошо?

– Да, да.

– Так, – Лошадь разглядывает свои передние копыта, потом смотрит на меня и безапелляционно заявляет – депрессия.

Это уже слишком, это мое больное место.

– Знаю! – мгновенно вскакиваю.

– К тому же реактивная, – спокойно замечает лошадь.

– Именно! – Я так резко киваю головой, что она чуть не отскакивает.

– Спокойнее, – в голосе Лошади проскальзывают нагловатые нотки. – Это вполне излечимо.

Мне стало обидно, что какая-то Лошадь суется в мои дела.

– А откуда вы, собственно, знаете, и вообще, кто вы такая?

– Я? – Лошадь пожала плечами и ответила очень миролюбиво: Я – Лошадь, а лошади много всего знают. Нагловатые нотки исчезли.

– Я пришла, – она кивнула на проем в стене, – чтобы помочь вам.

Я так и стояла перед Лошадью, словно не решаясь сесть. Почему? Когда она заговорила, меня опять поразила смена интонации: злая насмешка.

– Итак, – Лошадь сосредоточенно соединила передние копыта, как задумавшийся человек соединяет пальцы рук. – Итак, что мы можем сделать...

Я робко присела на краешек кресла. Прикинув «наши» возможности. Лошадь, наконец, заявила:

– Да, конечно, я понимаю, месяца полтора в Неаполе или круиз по Средиземному морю вам не по силам. Это одно из лучших средств, но есть и другие.

– Не по силам, – ответила я, – давайте другие.

– Пожалуйста, – Лошадь развалилась в кресле и держалась совсем уже нахально, – пожалуйста! Лопата и грабли у вас есть?

– Есть, наверное.

– Так вот, – Лошадь говорила таким тоном, как будто излагала теорию относительности, – возьмите грабли и хорошенько очистите газон возле дома, затем тщательно окопайте деревья в сквере, затем подметите двор. Уверяю вас, это также очень не плохой способ борьбы с нервными расстройствами.

В ответ на это предложение я вскочила как бешеная, швырнула в стенку стаканчик с ручками, об пол пишущую машинку, а в Лошадь веером полетела пачка чистой бумаги. На нее мои действия не произвели ни малейшего впечатления. Она смотрела на меня вполне миролюбиво и снисходительно, как на глупого ребенка.

– Понимаю, понимаю, – кивнула Лошадь, – вы не можете! Вы не в силах, у вас депрессия! Понимаю.

– Издевается, стерва, – подумала я почти вслух. • Лошадь сделала вид, что не расслышала этого

мысленного отзыва о ней. После паузы она заговорила снова, ничуть не рассерженно.

– Ну, хорошо, еще одна рекомендация: прыгалки у вас есть?

– Прыгалки?

– Да. Обычные детские прыгалки. Так вот, по сто пятьдесят прыжков каждые два часа.

Через неделю вы себя не узнаете.

Кидаться было больше нечем, поэтому я просто в изнеможении опустилась на спинку кресла, безжизненно свесив голову.

– И это не нравится? – искренне удивилась Лошадь. – Вам не угодить.

Снова помолчали. Тогда Лошадь хитро усмехнулась и, наклонившись вперед, заговорщически сказала:

– Ну, хорошо, давай начистоту. Вот, что советую лично я. Брось (Лошадь неожиданно перешла на «ты»)! Брось все ко всем чертям! Ну, чем ты занимаешься (сморщилась Лошадь презрительно): зайчики, ежики, феи – чушь какая-то! – разоржалась Лошадь. – Детские сказочки с претензией на мораль взрослых! Смех какой-то! – опять разоржалась Лошадь.

– Стыд! Взрослый человек, ты же понимать должна (Лошадь говорила со мной, как с равной), а ты – сказочки, белочки, лягушечки, кошечки... Да кому нужна твоя разношерстная фауна? Брось! Подушку под голову, подушку на голову, одеяло и... А ты? Тряпка ты: зайчики, белочки...

Оторопело молчу.

– Ну, что ж, – Лошадь снова заговорила вежливо, как на приеме, – мне было очень приятно побеседовать с вами. К сожалению, я должна идти...

Она встала, поклонилась, ушла в проем, на секунду выглянула, еще раз кивнула, сказала «Чао» и скрылась. Стена тут же встала на место, картина тоже взлетела на свои гвоздики.

Сначала я молча смотрела ей вслед. В шоке. В совершенно естественном шоке. Потом кинулась к тому месту, где был проем. Разбила кулаками стекло акварели.

– Мерзкая тварь, – орала я, – стерва, а не лошадь! Я не успокоилась, пока не изрезала руки о стекло картины.

– Чертова кобыла, идиотка! Ну, хорошо же! Понимала бы что-нибудь!

...И тут я взяла и принципиально успокоилась. Села за стол, созвала своих насмерть перепуганных зверят, оскорбленных фей, почти одичавших кошек и сказала:

– Ну, вот что, милые мои, давайте-ка работать. И мы стали писать сказку про...

## С КЕМ РАЗГОВАРИВАЮТ СОБАКИ

Виталий Григорьевич больше не мог, устал. А сапожок химички стал последней каплей. Виталий Григорьевич – завуч, преподаватель истории, «опора» школы. Двадцать два года на нем педсоветы, открытые уроки, постоянное справедливое недовольство учителей.

Он устал. Он тоже человек. Хорошо, он постарается убрать «окна» математика, перенесет педсовет с субботы, освободит англичанку от классного руководства. Он, как это ни странно... любит свою сумасшедшую работу. Но устал он. И вынести пропажу химичкиного финского «сапожка был не в силах.

Сапожок пропал вчера из учительской раздевалки. Причем один, а не оба. Значит, не воровство, а откровенное хулиганство. Оскорбление! Хотя... слишком удивляться не стоило. Полина, химичка, – далеко не ангел, иногда и не совсем человек, а ребята этого не любят.

Обнаружив пропажу, Полина перевернула школу вверх дном. Не своими руками. За нее это с веселой готовностью сделали октябрята, пионеры, комсомольцы и просто двоечники – детки с первого по десятый классы. Остановить эту неорганизованно-организованную массу было невозможно.

Директор – он умный человек, он не хотел инфаркта – уехал по «неотложным» делам. Виталий Григорьевич оставался «на посту». Сапожок, естественно, не нашелся. Полина, принципиально надев на одну ногу оставшийся сапог, а на другую – валенок сострадательной дворничихи, обратилась к Виталию Григорьевичу:

– Или, – гневно заявила она, – или сапог завтра будет на месте, или...

Она не сказала, что «или», но, вероятно, имела в виду наступление конца света, по крайней мере, для Виталия Григорьевича.

Это было вчера... Сегодня в школу не хотелось. Из-за этого чертового сапога. Из-за того, что вот-вот конец полугодия, и, хочешь не хочешь, придется исправлять твердые двойки Сережки Лузгина на (Бог ты мой!) ... на тройки!!!

И потом, ему просто почему-то хотелось побыть здесь. Сесть на эту скамью в крохотном заснеженном сквере, подставить лицо холодной снежной крупе и ни о чем не думать.

Он так и сделал. Не пошел в школу; ведь, в конце концов, тот же Сережка Лузгин позволяет себе подобную роскошь достаточно часто! А он, Виталий Григорьевич, пропустит всего один урок.

...Снег. Легко. Холодно. А из головы «двойки», «окна», сапог не идут. И никакого удовольствия от «прогула». Смотрит по сторонам. Никого знакомых, к счастью. Один... Один ли? Кажется, держит его чей-то взгляд. Большущие, карие, удивительные глаза. Человеческие? Каждому ли человеку дано иметь такие глаза?! Об ушах я и не говорю... Висячие, с ладонь величиной, расчесанные, в мелких завитках, шелковистые, как и вся шкурка. Спаниель. Вернее, не совсем взрослая черная спаниелька сидела невдалеке и смотрела на Виталия Григорьевича. Смотрела и смотрела.

– Ты что, – ласково спросил Виталий Григорьевич. Ласково, потому что к спаниелям по-другому невозможно обращаться. А спросил – просто так, совсем не ожидая ответа. Спросил ну и спросил, как спросил бы у кустика, не тяжело ли ему под снегом. А спаниелька поняла его буквально. Усталый человек спрашивает: «Ты что?»

– Да так, ничего, смотрю, – отвечает она и подходит ближе. Подходит и смотрит так же внимательно.

Виталий Григорьевич удивился?.. или испугался?.. – нет, что вы! Он просто не «услышал» ее голоса. Ведь он не сумасшедший, он просто усталый, замотанный человек, не более того. И разговаривать с собаками!..

А она сидела рядом, помахивала холёными ушами. Потом спросила вежливо и спокойно: «А почему вы сегодня не на работе? Вы плохо себя чувствуете?» Не услышать этого было уже нельзя. Что-то качнулось в голове завуча, он закрыл глаза и тихонько застонал. А симпатичная спаниелька продолжала: «Вы уже опоздали на урок. Я знаю, вы учитель. Каждое утро вы идёте через этот сквер. А я здесь гуляю. Я вас знаю. Вы...» И тогда всегда выдержанный, корректный Виталий Григорьевич, испугавшись сам не зная чего, потеряв какую-то вечную точку опоры, закричал странным, не своим, сорванным голосом:

– Ты что, с ума сошла? Собаки разве разговаривают?! Виталий Григорьевич вскочил и в каком-то полусознательном состоянии рванулся куда-то. Тогда маленькая черная спаниелька, нежная и беззащитная, оскалила зубы и зарычала.

Совсем потерянный завуч опустился на скамью и покорно устался на спаниельку. Та рыкнула еще раз и уже миролюбиво спросила: «Ну что, так понятнее? Привычнее?» Она мотнула ушами. «Меня Долли зовут».

– Виталий Григорьевич, – представился завуч.

– Я с вами как с человеком. Вижу, вам не по себе. А вы – кричите, оскорбляете, вскакиваете. Можно так?

– Да нет, я не хотел тебя обидеть. Я... Я сам не понимаю, что это... Озверел, – замялся Виталий Григорьевич. – Не сердись. Устал. Неприятности. Понимаешь?

Долли понимала. С такими глазами не понимать? А Виталий Григорьевич не понимал, что он, современный, до сих пор психически здоровый человек, завуч, отец семейства, беседует с собакой. И уже не видит в этом ничего противоестественного.

– Понимаю, понимаю, – кивнула Долли. – Потому и подошла. Думаете, у меня все, как говорит Эвелина, тип топ? – Долли притопнула лапками.

– Эвелина – твоя хозяйка?

– Да. Но дело не в этом. У вас что-то не так. Может быть, смогу помочь? Мне бы очень хотелось.

И Виталий Григорьевич, понимая краешком сознания, что происходит нечто странное, рассказал все. Все. О том, что молодой географ Танечка непременно сорвет открытый урок, а Витька Андреев – в общем, неплохой парень, но для школы опасен, а Лена, жена Виталия Григорьевича, подавлена его, Виталия Григорьевича, невниманием к дому, а он просто не может разорваться, и еще (нет, Долли, ты только представь, как не вовремя!) пропал сапог стервозной химички Полины... Долли слушала и смотрела так же сверхчеловечно. А Виталий Григорьевич подумал, что, если бы Полина хоть раз так на него посмотрела, он не какой-то финский сапог преподнес бы ей, а целый обувной магазин самого Парижа. Долли слушала и, кажется, чему-то удивлялась.

– Все? – спросила она мягко.

Виталий Григорьевич рассказал еще о том, что из живого уголка сбежал еж. О том, что в учительской слишком тесно и что дома в ванной полгода течет горячий кран, а дверь входная открывается только плечом и так далее, и тому подобное.

– Все? – опять спокойно, но, может быть, чуть насмешливо, потому что глаза опустила, спросила Долли. – Все?

«Нет, подумаешь, какая умная, выше человеческих дел», – удивился про себя Виталий Григорьевич, глядя на свою лопухую собеседницу.

– А что, мало, по-твоему? Я же не железный!

– А кто железный? Моя Эвелина? Вы думаете ей легче? И у нее – сегодня то, завтра это... – Положив голову на колени завуча, спаниелька грустно, даже обреченно, продолжала: – правда, открытых уроков, троек «на волоске» у нее нет. – И как бы испугавшись, что из-за этого хозяйка может не понравиться новому знакомому, поспешно добавила: – но вы не думайте... Она хорошая, ласковая! Только... Ну... Как бы сказать?... Трудно ей... Характер...

– Капризная? – завучу было уже интересно. Долли отрицательно покачала головой. Запрыгали

уши.

– Легкомысленная?

Отрицательно машет ушами черная спаниелька.

– Ну, не знаю, может быть, взбалмошная, резкая?

– Резкая, взбалмошная... – задумчиво повторила Долли. Это из-за того, что назло весь фарфор с драконами перебила?.. Нет, дело не в этом.

Долли опустила голову, почти уткнулась черным носом в холодный снег.

– Нет, – повторила она задумчиво. – Эвелина... Она.. Она... – Никак не подберет нужного слова. Наконец нашла, обрадовалась!

– Она... – не железная!

– Постой, постой, – немного возмутился Виталий Григорьевич. Ведь начали с того, что я – не железный.

– Не-е-е-т, – Долли хитро взглянула карими глазами, как бы разоблачая завуча. – Нет, вы нормальный железный человек. Радовались бы!

Недоуменный взгляд Виталия Григорьевича.

– А чему вы удивляетесь? Вам пора бы знать, что люди бывают железные или... или – как моя Эвелина: у них не пропадают сапожки, двери открываются взглядом, нет у них классов, чтобы руководить ими... – тихо и спокойно произнесла Долли.

– Хорошо – вздохнул завуч.

– Хорошо, – повторила Долли, вслушиваясь в слово. – Разбитый фарфор – хорошо?.. То, что назло – хорошо?.. Черная маленькая лопоушка, кажется, издевалась.

– Ну! Кому что! Фарфор, видишь ли, грохнула! Позволить себе разбить японский фарфор! – последние слова Виталий Григорьевич произнес с некоторой завистью. – Глупо. Смешно просто!

– Вы думаете Эвелина потом не плакала?

– ...?

– Нет, не из-за фарфора...

– Так что же тогда? – осторожно, боясь спугнуть откровенность, спросил Виталий Григорьевич.

Долли посмотрела на него внимательно.

– Я же сказала: Эвелина – не железная.

– Но зачем ей быть железной? – насмешливо спросил завуч. Долли, ты ребенок.

Долли даже обиделась.

– У него дверь, видишь ли, заклинивает! Я – ребенок,

видишь ли! А моя Эвелина – плачет! И не из-за разбитого фарфора, совсем нет!.. Просто...

– Знаю. Давным-давно выяснено: «Нет в мире совершенства». Без нас с тобой ясно.

– А раз давно выяснено, раз так уж ясно, – почему вы такой зеленый? И на себя не похожи? Долли говорила мягко, как с расстроенным ребенком. А Виталий Григорьевич распался.

– Зеленый? А куда я дену «окна» математика?

– Ну, а как же раньше, – спокойный голос спаниельки.

– Раньше! А как уговорить англичанку взять классное руководство?

– Так же, как биолога в прошлом году.

– Ну, а сапожок финский, где я возьму? – взвился завуч.

Долли ответила так же невозмутимо:

– А помните, три года назад пропали ваши золотые часы, а потом их нашли на руке скелета в биологическом кабинете.

– Да, да, все так и было, – успокаиваясь, сказал Виталий Григорьевич. Успокаиваясь? Нет, нет, настораживаясь: откуда Долли знала о таких подробностях?

– И дальше так будет, – продолжала Долли. – И сегодня.

– Сегодня?

Виталий Григорьевич нехотя вспомнил, что есть «сегодня». И понял, с чего начался этот странный разговор, а главное – с КЕМ. И снова что-то качнулось в голове завуча. Долли, видимо, заметила это и, чтобы не слишком пугать человека, весело мотнула ушами и распорядилась:

– Ну, ладно, в школу, побыстрее! Там все отлично, поверьте. – И убежала. На ходу черная спаниелька оглянулась: – Еще увидимся!

Виталий Григорьевич поплелся в школу. «Побыстрее» – он не мог. Ноги – ватные, в голове что-то звякает. О чем он думал? Он не думал – это было бы лишним.

Школа. Перемена. Ад! Вот он – математик. Завуч вжимается в стенку. Радостные взгляды математика:

– Все в порядке, Виталий Григорьевич! Не думайте о моих «окнах». Я с Полиной договорился – она сегодня добрая: сапог нашелся! Собственный! Лифтерше какой-то косматый джинсовый оставил.

– Спасибо, – оглушунно сказал завуч.

А вот появляется англичанка. Мило улыбается, сообщает, что согласна взять классное руководство при условии, что все того же Лузгина переведут в немецкую группу.

– Да ради Бога! Ради Бога! Ради Бога! – чуть не запрыгал от волнения и радости завуч. Ведь Сережке учить что английский, что немецкий, что санскрит – все равно.

Кажется, все уладилось. Уладилось, как предупреждала Долли. Совпадение? Случайность? Конечно, но, простите, как она могла... Ведь она не может, не имеет права, не должна разговаривать!!!

Виталий Григорьевич историк. Он не мог дать на уроке сочинение и думать о своем, приходилось рассказывать о восстаниях и размышлять о невозможном;

приходилось возмущаться коварством врагов и вспоминать каждое слово Долли. Урок – в две головы; два – в две головы; три – в две головы. Екатерина II – Долли; Лузгин -Долли; Ришелье – Долли и так далее. Голова разламывается. Бред: собака разговаривает, поучает, рассказывает, все знает! Бред!

Не может быть! Переутомился! К врачу! Собаки, видишь ли, заговорили. Он помнил даже каждую ее – Долину – интонацию.

– Страшно, но ничего непоправимого, – успокаивал себя Виталий Григорьевич. Курс лечения. Отдых. И тем не менее...

– Несуразица! Кошмар! Бред! К районному?.. Но сегодня суббота, да и о говорящих собаках – районному...

Виталий Григорьевич вспомнил, что у него есть знакомый засекреченный химик. А у того – знакомый журналист, ну, а у того, естественно, доверенный психоаналитик. К счастью, и химик, и журналист, и психоаналитик были у себя.

И вот уже через пару часов Виталий Григорьевич входил в домашний кабинет преуспевающего доктора. Высокий, сухощавый, лет пятидесяти пяти. Почти седой, но тем не менее, моложавый. Безупречная вежливость. Подтянутость. Элегантность. Сдержанность без намека на чопорность. Несколько ничего не значащих фраз: завязать разговор. Приветы общим знакомым и, наконец, неизбежные слова, которых так ждал и боялся завуч..

– Итак, я вас слушаю.

Виталий Григорьевич запинался. Доктор терпеливо, привычно ждал. Виталий Григорьевич рассказал все, что вспомнил: от собственных золотых часов на руке скелета до говорящего спаниеля. Доктор слушал внимательно, спокойно, иногда задавал, казалось бы, совсем не существенные вопросы, просил что-то уточнить и не высказывал ни малейшего беспокойства. Ему было все ясно, а значит, совсем не страшно.

Когда Виталий Григорьевич закончил, он, снисходительно улыбаясь, сказал:

– Есть такая штука – самоанализ. Последний час вы как раз этим и занимались. Сами. Вы. А я здесь почти и не при чем.

И доктор рассказал, как связаны окна, сапожки, часы и, конечно, говорящая Долли. Посоветовал почитать кое-что по психоанализу. Назначил принимать на ночь по таблетке транквилизатора. А главное, очень толково объяснил самое важное, необходимое: Виталий Григорьевич разговаривал не с собакой, а со своим вторым «Я», с самим собой, потому что ему, Виталию Григорьевичу, было это необходимо – разобраться в самом себе. Расстались друзьями. На письменном столе доктора остался конверт с гонораром..

... Что дальше?

Виталий Григорьевич счастлив: он не сумасшедший – это раз, сапожок химички нашелся – это два, математик без «окон» – это три, англичанка согласилась взять классное руководство – это четыре.

И погода! Погода! Солнце мощности головокружительной! Снег белизны невообразимой, неправдоподобной! Темно-зеленые ели в сквере под снегом... Господи! Как же все хорошо! С ума сойти можно! Но... не Нужно...

А вот и приятная неожиданность. Размахивая ушами, Долли мчится, почти летит, волоча за поводок хозяйку:

миловидную, белокурую, легкую, кажется, тоже вот-вот готовую взлететь. Долли их просто столкнула друг с другом.

Смех, извинения, разговоры: «А вы?», «А я?». В воздухе смех! А Долли рядом. «А вы?», «А я?»

– А я сейчас у врача был! – Смех!

– Сейчас? – Смех!

– Зачем?

– Не пойму. Блажь какая-то нашла. – Смеется. – Померещилось что-то! Оба смеются.

– Ерунда.

– Бывает. Смех...

И тут знакомый голос, – взволнованно, огорченно, но твердо.

– Отпусти поводок! Я домой пойду... До свидания...

– Что вдруг? – удивилась хозяйка.

– Так... Без меня поговорите.

– Ну, беги. Лифтерша откроеет.

Не взглянув на Виталия Григорьевича, Долли убежала. Навсегда... Туда, где бьют фарфор не потому, что его много, а потому, что люди там не железные... «Не понял... Ничего не понял...» – казалось было написано в глазах Долли.

Виталий Григорьевич почувствовал, что в голове на миг опять что-то резко перевернулось, и прежняя мысль остро пронзила сознание: «Собаки разговаривают разве?» Он растерянно посмотрел вслед Долли, затем, словно ожидал успокоения, вопросительно и с недоумением в глаза молодой женщины. Ведь она разговаривала с Долли... разговаривала обычно, как с ним. Как же это?... Может, это естественно?..

А хозяйка Долли (Виталий Григорьевич вспомнил ее имя – утром Долли сказала!..), Эвелина, мило улыбнулась, не замечая его растерянности:

– Пусть бежит! Обиделась что-то! С ней случается. Простит. Знаете что, давайте я вас провожу! Вы ведь опять в школу? Так поздно?  
...И оба рассмеялись...

## ЖДЕТЕ?..

Уже несколько дней ее преследовал лиловый цвет. Лиловым отливал снег. Лиловым казался свет фонарей. Кем-то оставленные на скамье, лиловели необыкновенно лиловые астры. Сначала это удивляло, потом стало пугать. Ведь не синий, не желтый, не зеленый. Лиловый! Разве это ни о чем не говорит? Лиловый цвет – цвет беды. Неузаконенно. Но она знала, что это так. И ждала. Недолго. Вечером, когда за окнами кружились уже совсем лиловые снежинки, раздался звонок в дверь. Открыла: прекрасная женщина в лиловом длинном платье, очень живые лиловые глаза, волосы цвета тумана.

– Я ваша беда. Ждете? – Она прошла в комнату.

– Ждала. Но почему именно я?

– Так вышло...

Они сели в кресла напротив друг друга. Они будто изучали друг друга, привыкали.,

– Вы долго будете со мной?

– Как получится.

– Я справлюсь?

Беда пожала плечами: «А как же другие?»

Страшно не было, но нарастала тревога. Тревога, которую не снять никакими словами, никакими лекарствами, никакой работой. Тревога, которая исчезает, только уступив место страху, отчаянию, бессилию.

– Вы мне поможете? – робкий голос.

– Я? – Лиловые глаза расширились от удивления. – Хотя... И так бывает. Правда, редко...

– Почему же вы все-таки ко мне пришли?

– Вы не понимаете? А спрашивали о помощи. У меня! Значит, одиноки. А кто-то должен быть рядом. Вот я и -пришла.

– Одинока? – с вызовом. – Почему одинока?! Муж, друзья, дети...

– Да? – с мягкой насмешкой.

Обе знали, что у кого-то истрепаны нервы и характер неровный, у кого-то работа сумасшедшая, кто-то чем-то болен, кто-то равнодушен просто... Обе знали.

– Ну, что же, вот и познакомились. До завтра. Беда протянула руку. От этого прикосновения стало

страшно... Оно не было ледящим – теплая человеческая рука.

А телеграмму принесли часом позже...

Москва, 1975 г.

## ЛИТЕРАТОР

Работать не хотелось. Валентину Сергеевичу очень не хотелось работать. Ведь такой день... Солнца столько, будто не октябрь сейчас, а май, яркий, теплый. А работа... Работа, в общем-то, и сделана почти вся. Данные собраны, проверены – ничего необыкновенного. Остается сбить четкий, в меру эмоциональный доклад. Или речь? Да нет, на речь не потянет. Этим Валентин Сергеевич и занимался в кабинете своей дачи. Эту часть работы он, как правило, выполнял здесь. Привык работать на воздухе. Кое-что уже было готово.

«Музыка, постоянная нервная спутница искреннего художника, суть души этого хрупкого, нежного существа», – отбила машинка Валентина Сергеевича.

– Литературщина?

– Ну да, конечно, – Валентин Сергеевич снисходительно пожал плечами, стряхнул пепел с сигареты, вяло потянулся. – Все так, – уговаривал он себя. – Но о ком пишем?.. О Лидии Павликовой, студентке консерватории, молодой и, как утверждают знающие люди, талантливой. А потом, она такая милая!

Валентин Сергеевич, не глядя, сунул руку в ящик стола, на ощупь нашел среди прочих снимков нужный: уже знал его по оторванному уголку. «Да, такая милая девочка. Чуть настоженные глаза... Не помешает... некоторая вычурность, совсем не помешает. Ведь это не экскаваторщик Коля Коваленко. Хороший, кстати, парень. Ну, да ладно».

И Валентин Сергеевич собрался творить дальше. Но в это время то ли солнце, то ли ветер, то ли теплая пока осень, короче, что-то очень нужное живому человеку, толкнуло выходящую в сад стеклянную дверь кабинета. Прохладный, чуть беспокойный запах осенних листьев, горьковатый вкус рябины, почти материальное тепло солнечных лучей заполнили комнату, выволокли Валентина Сергеевича из-за стола, выманили в сад.

– Работа подождет, – решил он, – а терять такой день... Думать можно и на ходу. Ведь осталось склеить две-три ключевые ударные фразы. Остальное – факты.

Валентин Сергеевич тихо шел по песчаной тропинке мимо разросшихся спутанных кустов смородины, крыжовника, малины. Кое-где они совсем облетели, кое-где пожелтели, где-то еще совсем зеленые. А ведь не жарко.

– Не жарко, – подумал Валентин Сергеевич, – обманчивое солнце. Не забыть бы попросить Зою приготовить на завтра толстый свитер, а костюм... нет, все таки очень строго: молодежи-то много у Лиды будет.

Что-то стукнуло за спиной. Резко оглянулся: просто яблоко упало. Никому бы не признался, но стук ударившегося о землю яблока почему-то всегда казался веселым. Поднимать не стал. Пусть лежит. Ведь красиво:

ярко-ярко желтое в сухой бурой траве. Художник зашевелился в Валентине Сергеевиче. Или профессионал?..

«...Лидя у рояля... Светлые волнующие импульсы, что струятся из ее чутких волшебных пальцев, способны оживить... способны оживить», – Валентин Сергеевич аж сам сморщился.

– Да... – вздохнул он, скрипнув калиткой. – Литературное образование и долгий опыт работы даром не прошли. И потом, слово «оживить» показалось Валентину Сергеевичу не совсем уместным.

Тут его окликнул знакомый голос тети Клавы – соседки по даче. Она работала в ресторане, и у нее так же, как у Валентина Сергеевича, свободные дни часто не совпадали с выходными днями людей прочих профессий. Тетя Клава срезала, последние осенние астры.

Прекрасные цветы, длинные, тонкие, острые лепестки. Темные и бледно-лиловые, чуть розовые, белые...

– Передали бы Зоеньке, – тетя Клава помахала охапкой, – ведь сами не разводите.

Валентин Сергеевич вежливо улыбнулся, но за цветами не зашел. К цветам он относился как-то странно. Тревожили они его. Напрасно!.. Валентин Сергеевич понимал, что напрасно, но ничего не мог с собой поделать.

А тетя Клава с привычным и, пожалуй, доброжелательным недоумением смотрела вслед Валентину Сергеевичу. Было в этом литераторе, как он себя называл, что-то странное, непонятное ей, рядовой сотруднице нерядового ресторана. Книжек не выпускает, фамилия неизвестная, а дача, пожалуй, лучшая в кооперативе. И автомобиль не из дешевых.

Но не в этом дело. Казался Валентин Сергеевич не то, чтобы сухим, или высокомерным, или бесчувственным. Нет, совсем нет, наоборот, скорее! Ведь летом окровавленного парня с соседней дачи везли в больницу именно в машине Валентина Сергеевича на бешеной скорости. Но проломленный череп мальчишки не помешал Валентину Сергеевичу выпросить, закончен ли десятый, в какой институт думает, чем увлекается и прочее, и прочее...

– Профессиональное, – как бы извиняясь, говорил потом Валентин Сергеевич. – Профессиональное. Главное, что жив.

Это было летом. А сейчас «странный литератор» Валентин Сергеевич медленно шел по уже опустевшему дачному поселку. Становилось грустно и даже больно немного. Отчего?.. Да ни от чего. Так. Валентин Сергеевич с силой стегнул голым прутком по облетающему кусту волчьих ягод. Полетели последние крапчатые листья.

Заедало иногда. Ведь хилый невротик Женька Сметанин ушел с третьего курса, а журналистом все-таки стал. И приличным вполне. А Радченко, этот дуб дубом, еле защитил диплом, зато, видишь ли, прошел где-то что-то пешком, выпустил пару книг, пролез в Союз. А он, Валентин Сергеевич, вот уже шесть лет литсотрудник очень уважаемого, но, прямо скажем, не всеми любимого заведения. Цветы тети Клавы, как всегда цветы, напомнили Валентину Сергеевичу, что он всего лишь ОЛЦПУ. Не любил он этих напоминаний...

– Ну да ладно... – Валентин Сергеевич отстегал куст и успокоенный пошел дальше. Солнце было уже не тем. Не тем стало солнце. Захотелось вернуться в кабинет, достучать работу о Лидии Павликовой – и домой.

Почему так резко что-то изменилось? Погода, может быть. Уже нет мощных, живых, теплых потоков солнца. Блекло-серое небо. Вот-вот заморосит. Яблоко в сухой траве уже не казалось таким желтым, таким ярким-ярким.

– А ведь разные великие любили осень, – подумал Валентин Сергеевич, чтобы успокоиться. – Любили... И как не упиваться этим ярким теплом, теплом, которого скоро не станет, теплом, на смену которому придет холодная зима... Разве не то же в моей работе, если смотреть на нее глазами художника. ХУДОЖНИКА!

Нормально... Сравнение пристрастия великих к осени с профессией Валентина Сергеевича помогло. За машинку он сел достаточно одухотворенным. Последняя фраза вышла неплохой, совсем неплохой вышла последняя фраза.

«Смолкла музыка Лиды. Но не холодными снежинками выются вокруг нас ее звуки. Кажется в желтые осенние листья превращаются ноты», – (иметь под рукой ветку с желтыми листьями). И подпись: Организатор Литературных Церемоний Проводов Усопших.

...Папка с делом о трагической безвременной кончине милой девушки Лидии Павликовой легла в дипломат рядом с зонтом и термосом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.